

СИБИРСКАЯ СТАРИНА

краеведческий альманах

2013 №27

АРКАДИЙ АРКИН: УКРАИНСКОЕ НАЧАЛО

Автор воспоминаний, Аркадий Аронович Аркин (1915–2001), окончил Киевский театральный институт, в годы Великой Отечественной войны служил в театре Юго-Западного фронта, более 40 лет играл на сцене Томского областного театра драмы. Он пользовался популярностью среди томских зрителей, исполнял роли классического репертуара, создавал сценические портреты современников. В 1985 г. ему присвоили звание заслуженного артиста РСФСР, он был награжден орденом «Знак Почета», медалями «За оборону Сталинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Его рассказ о детстве и юности в украинской стороне записан в декабре 1999 г. и затем воспроизведен с магнитной записи главным хранителем фондов Центра документации новейшей истории Томской области Г.И. Кан. Ныне запись хранится в архиве, в коллекции воспоминаний «Томичи о времени и о себе» (ЦДНИ ТО. Ф.5666. Оп.1. Д.31).

Я родился 7 июня 1915 года в г. Кременчуге и был у родителей младшим из трех сыновей. Когда мне было четыре года, семья переехала в Харьков, где у нас было много родственников. Отец, сколько я помню, работал все время на табачной фабрике, был и кладовщиком, и начальником цеха. Мать занималась домашним хозяйством.

Из самых ранних воспоминаний детства, достаточно смутных по малолетству, но подкрепленных позднее воспоминаниями членов семьи, наиболее памятным является случай периода Гражданской войны. 1919 год, Кременчуг. Казаки учинили в городе погром. Мы спрятались в темной комнатушке под парадной лестницей. С нами была собака, и она выдала своим лаем наше присутствие в доме. Погромщики стали ломиться в дверь парадного крыльца, но мы сумели через черный ход убежать из дома и скрылись у каких-то знакомых в погребе. Там отсиживались некоторое время. Отец почему-то оказался не с нами, он был в верхней комнате. Когда казаки, человек пять-шесть, ворвались, они поставили его к стенке, чтобы расстрелять. В это время наша домработница Маруся, схватив икону, загородила собой отца, и казаки не осмелились стрелять. Маруся прожила в нашей семье 25 лет, и была для нас одним из членов семьи...

Школу как-то плохо помню. Плохо помню подробности жизни нашей семьи. Старшие братья быстро разлетелись из родного гнезда. Запомнилось, что, несмотря на голодное время, мы жили дружно и весело, жили перспективой. Часто спорили. Отец был критически настроен к жизни, и мы говорили ему: «Смотри, как хороша советская власть! Так много людей разных национальностей живут одной

дружной семьей. Все равны. Жить тепло и интересно!». Но отец все повторял, что, если будут трудные времена, то начнется полнейший раздрой, и от интернационала ничего не останется.

Я закончил семилетку. Образование надо было продолжать, но перспективы дальнейшей учебы осложнялись тем, что отец был служащий. Политика у государства была классовая: в институт принимали только детей рабочих и крестьян. Мне о рабфаке нечего было и думать. По крайней мере, в Харькове было именно так. Я пошел в школу ФЗО при Харьковском электромеханическом заводе...

Два года я учился в ФЗУ, работал учеником слесаря, потом перешел в рабочую бригаду. В те годы секретарем ЦК КП(б) Украины был Павел Петрович Постышев. Население Харькова¹ его обожало. Это был человек, который запросто ходил по городу, заходил в магазины, вставал в очередь и так узнавал жизнь. И вот, кажется, это было в 1931 году, наша бригада напряженно работала над выполнением заказа для какой-то закавказской электростанции. Это был ударный штурм. Мы пришли на завод и две недели не уходили домой. Работали без выходных. Смену отработаешь, тебя в столовой покормят, и опять идешь работать. Я делал какие-то металлические пластинки, страшно уставал и вот как-то прикорнул на станине. Меня кто-то будит. Открываю глаза – стоит дяденька и спрашивает: «Почему спишь на рабочем месте?» Я узнал в нем Постышева. Объяснил, что вот выполняем срочный заказ, немножко отдыхаем и снова работаем. Неза-

¹ Харьков в 1918–1934 гг. был столицей Украинской ССР. Прим. публикатора.

наши публикации

бывающая для меня встреча! Меня восхищало, что секретарь ЦК запросто беседовал с рабочими. И еще мы тогда были счастливы тем, что где-то на Кавказе зажгутся электрические лампочки, и в этом – наша заслуга. Нам не платили никаких сверхурочных. Я получал обыкновенную зарплату фэзэушника.

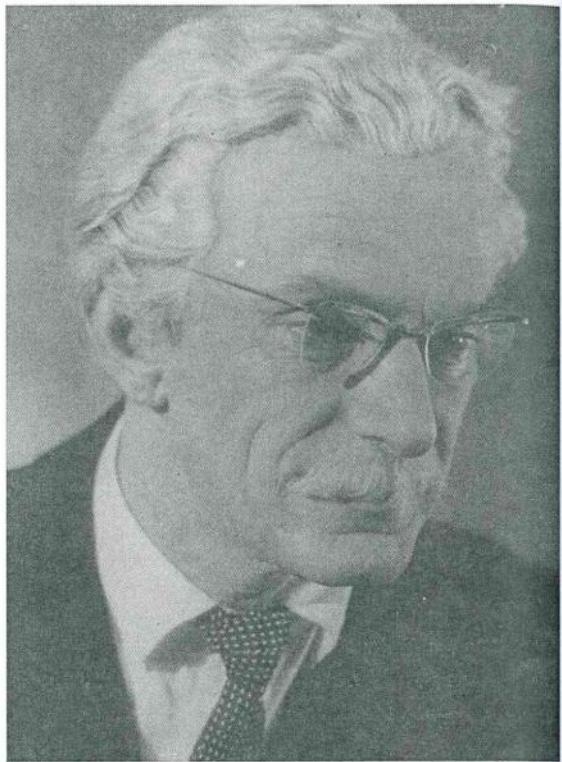
Мое стремление стать артистом родилось на заводе. На заводе был самодеятельный театр рабочей молодежи – ТРАМ, над которым шефствовал городской ТРАМ. А я со школы увлекался художественной самодеятельностью. Помню свою первую роль. Мне было лет 11–12, когда в школе ставили историческую пьесу «Тарас Шевченко». Мне учительница сказала, что я буду играть маленького Шевченко, который был крепостным у помещика Энгельгардта. Я играл с удовольствием. С тех пор и началось увлечение театром.

На заводе я сразу включился в работу ТРАМА. Смену отработаешь – идешь на репетицию. Мы готовили такие обозрения, что-то вроде живой газеты – малые формы на заводские темы. Я был обычно ведущим. Выступали по цехам. Цеха огромные, туда въезжали под погрузку целые эшелоны.

Так прошли два года моего фабрично-заводского ученичества. Однажды меня приглашают в завком и говорят, что они меня рекомендуют на учебу в Харьковский муздраминститут (разнарядка у них что ли была). Я проучился там два года.

В 1934 году столицу Украины перенесли в Киев, и нас, человек 19–20, очевидно наиболее способных, перевели учиться во Всеукраинский театральный институт. Я переехал в Киев. Жизнь была достаточно тяжелая. Родители мне помогать не могли. Братья жили уже самостоятельно, и я отказался от их помощи. Мне было интересно испытать себя, важно было утвердиться в жизни самостоятельно. Во-первых, я получал стипендию, в том числе и повышенную. Во-вторых, подрабатывал. Работал с ребятами на погрузках и в порту, и на товарной станции. Стал выступать на эстраде, где читал юмористические рассказы. Было три праздника, которые приносили нам, студентам театрального института, много концертов: Новый год, 1 Мая, 7 Ноября. Это было наше жнивье.

Потом прошел по конкурсу в радиокомитете на диктора. Работал некоторое время на радио. Когда учился на четвертом курсе, при-

Артист Аркадий Аркин. Из собрания Музея Томского областного театра драмы

шлось перейти на работу в РАТАУ¹, где платили за работу значительно больше. И было за что: несколько часов беспрерывного чтения по складам информации для областных газет республики. Вспоминаю, как во время процесса над Бухарином, Каменевым, Зиновьевым я работал в последней смене и давал подпись, что не имею права уйти с работы, пока не придет сменщик. Однажды была неделя, когда читать приходилось с 10 часов вечера до 8 утра. Это было монотонное, медленное чтение, для того, чтобы машинистки могли записывать. Потом на лекции заснул: ребята сидели по партам, а я подсед к однокурсницам на трехместный диванчик, сел посередине и уснул. Удовлетворяло то, что оплата за лишние часы чтения удваивалась. Мое финансовое положение существенно поправилось, и я в студенческие годы зарабатывал больше, чем в последующей своей жизни.

Работа диктора была, конечно, ответственная. Дважды пришлось читать доклады Сталина. Помню, мандраж был. Студия была большая, застекленное помещение, где сидели техники и редакторы, следившие за каждой буквой произносимого диктором текста. Опасность для диктора заключалась в том, что

¹ РАТАУ – Телеграфное агентство Украинской ССР.
Прим. публикатора.

при таком ответственном чтении можно было отвлечься мыслями и невольно сделать какую-либо ошибку в тексте.

В нашем институте было три факультета: украинский, польский и еврейский, которые готовили кадры для существовавших тогда национальных театров. Занимались студенты отдельно по факультетам, вместе слушали только «соцэковские» дисциплины. Помню, сидел на одной из лекций по марксистской философии рядом с девушкой Аней, заглянул в ее конспект и улыбнулся. Рассмешила фраза, которую она записала: «Гегель был-таки да идеалист!».

Я ухаживал за своей однокурсницей Адой и вскоре женился на ней. Она привела меня в родительский дом. Тогда только узнал, между прочим, что она полька. На Украине очень много поляков жило в те годы...

В 1938 году меня призвали в армию. Вообще-то военно-приписные документы призывников нашего театра лежали, что называется, под сукном. Мы были забронированы. Но у меня в то время сложились напряженные отношения с женой. Наша совместная жизнь как-то не складывалась, что-то мы не продумали, слишком разные были характеры. Я решил: для того чтобы выяснить наши отношения, надо на время расстаться. Пошел в военкомат и заявил о своем намерении пойти в армию. Нас, пятерых человек, от военкомата направили в Москву. Там поселили в казарме Краснознаменного ансамбля песни и пляски. Мы ждали назначения. Потом нас вызывают в политуправление армии, и полковник поздравляет с хорошим направлением – в Ворошиловск-Уссурийск, на Дальний Восток. Мы скинули, потому что Дальний Восток – это действительно далеко, черт знает где. Я помню, мы ехали неделю до места назначения. Ехали в пассажирском поезде, в вагоне при свечах. Попутчиками были командиры, возвращавшиеся из Москвы, и была очень хорошая атмосфера.

В Уссурийске оказалось, что при Доме Красной Армии был красноармейский театр, и нас направили туда... Служить нам полагалось только один год, как окончившим вуз, но в тот момент, когда мы уже сидели на чемоданах, объявили, что нам еще год службы накинули.

Демобилизовался в 1940 году. Вернулся в Киев. Съездил на недельку в Харьков, провел родных. Потом продолжил работу в театре. Киевляне любили наш театр. Был

еще один хороший театр в Киеве – Русский театр драмы, сейчас имени Леси Украинки. Но наш был моложе, современнее. Весь сезон работали в Киеве, а летом обслуживали Юго-Западный военный округ от Одессы до Белоруссии. Играли в воинских частях, в том числе у пограничников. Политуправление выделяло нам машины (2-3 автобуса), и мы обезжали гарнизоны. Там, где не было сцены, работали на воздухе. Мы очень любили эти гастроли.

Где-то 15 мая 1941 г. приехали во Львов, разместились в гостинице. 21-го играли в каком-то городке, что в 28 километрах от Львова. Играли наш лучший спектакль «Парень из нашего города» Константина Симонова. Спектакль, как всегда, прошел на ура. После спектакля начальство нас уговаривало, мы выпивали. В половине второго ночи мы, несмотря на уговоры, засобирались во Львов, так как у многих там жены остались и одиноко сидели в гостиничных номерах. Нам говорили: «Оставайтесь, ведь завтра снова сюда ехать». Но нам как будто выпал счастливый жребий. Мы уехали... В 4 часа утра в том городке не осталось ничего живого.

Это было 22 июня!!! В 5 часов к нам в номер постучали наши актеры из вспомогательного состава, сказали, что всех коммунистов и комсомольцев вызывают в Дом Красной Армии. Собрались в каком-то подвале, и нам сообщили, что Германия напала на Советский Союз. Мы реагировали очень эмоционально, помню, кричали: «Рот фронт! Но пасаран!». А потом немцы начали бомбить Львов, и мы выехали в Киев.

Немцы стремительно наступали. К Киеву прорвалась немецкая танковая дивизия. 9 или 10 июля к нам пришел посыльный из театра и сказал, чтобы я с женой, ребенком и чемоданом с вещами срочно шел в театр. Там мы ранним июльским утром погрузили на машину театральное имущество, сами сели в автобус и выехали в город Нежин. Нужно было торопиться, так как наши собирались взорвать мосты. Но продвигаться по Киеву было достаточно сложно. Надо было проехать маленький квартал Крещатика и подняться на мост. Мы преодолевали это расстояние в течение нескольких часов. Улицы были перегружены: в одну сторону двигались воинские части, в другую – беженцы, госпиталя...

Публикация Г.И. Кан